

М.С. ГОРБАЧЕВ О СОБЫТИЯХ 18 АВГУСТА 1991 ГОДА¹

...Меня не покидало ощущение, что надо скорее возвращаться и действовать, поэтому я каждый день торопил всех, кто связан был с подготовкой подписания. Уже был заказан самолет. С Шахназаровым, который отдыхал в санатории «Южный», рядом с Форосом, мы вели разговор о выступлении при подписании. 18-го я высказал ему свои последние пожелания – кстати, это был последний разговор, после которого связь была прервана². Я обнаружил это без десяти пять вечера, а наш разговор, как зафиксировано документально, закончился в 16.32. Теперь известно, что за спиной телефонисток уже стояли офицеры, которые должны были отключить связь в четыре тридцать³.

---

¹ Хронику событий, предшествовавших 19 августа 1991 года, см. в Приложении 5, с. 468-473.

² Г.Х. Шахназаров пишет об этом разговоре: «...Горбачев привык интенсивно работать во время отпуска. В этот раз он писал статью, в которой хотел подвести итоги сделанного за годы перестройки. Параллельно готовилось его выступление на торжественной церемонии подписания нового Союзного договора 20 августа. На этот счет Михаил Сергеевич несколько раз звонил мне по телефону; последний такой разговор состоялся 18 августа в 15.50.

...Михаил Сергеевич поинтересовался, есть ли у меня какие-нибудь новости, но я мог поделиться лишь впечатлениями от последних газетных публикаций. Затем он коснулся предстоящего своего выступления, сказал, что после подписания Союзного договора намерен посоветоваться с главами республик, с чего и как начать его воплощение в жизнь.

– Ты готов лететь со мной в Москву?

– Разумеется, – ответил я.

– Вернемся через два-три дня, успеем еще поплавать.

– А как ваша поясница? – спросил я, зная, что у него разыгрался радикулит.

– Да все в порядке. Анатолий (врач Михаила Сергеевича. – Г.Ш.) подлечил, так что я в полной форме.

Положив трубку на рычажок, я тут же поднял ее вновь, чтобы поговорить с Черняевым, который, как обычно, находился в командировке, помогая президенту во время отпуска. Гудка не было. Молчал и городской телефон. Может быть, обрыв? В конце концов всякое могло случиться на узкой полосе земли между морем и горами. Я взглянул на часы – ровно четыре. Подождем, когда связь восстановят. Однако прошел час, два, все оставалось по-прежнему. Начала зарождаться тревога. Она окрепла, когда мы узнали, что телефоны отключены во всем санатории...» (*Шахназаров Г.Х. С вожжами и без них. М.: «ВАГРИУС», 2001. С. 441-442.*)

³ Из протокола допроса Агеева Г.Е. 23 августа 1991 года: «Мне давались указания от Председателя КГБ следующего содержания: подготовить и направить группу связистов правительственной связи для отправки самолетом в Крым для обеспечения связью улетающей группы ответственных охраняемых лиц. Такое задание я получил 17 августа без постановки конкретных задач и передал это указание начальнику УПС т. Беде А.Г. 18 августа было уточнено, что она должна вылететь самолетом с Чкаловского аэродрома, ориентировочно – в 12-13 часов и что она должна на месте получить задание от отъезжающих лиц. В итоге группа улетела с этим самолетом, и как стало известно, осуществляла выключение связи в резиденции Президента СССР». *(Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М.: АСТ, 2007. С. 292.)*

По свидетельству командира экипаж лайнера Министерства обороны Ту-154 (бортовой номер 85606) Павла Бабенко, кроме группы лиц, направлявших к Горбачеву, на борту находились несколько офицеров из Управления правительственной связи КГБ СССР во главе с генералом А.С. Глущенко. *(См.: Степанков В.Г. ГКЧП... С. 52.)*

В 13.02 самолет вылетел, взяв курс на военный аэродром Бильбек, расположенный под Севастополем. При полете к Бильбеку начальник Службы охраны Плеханов сообщил, что имеет задание «временно» отключить связь у Президента СССР. Это позволит, объяснил Плеханов, создать «соответствующую» обстановку для разговора. Связисты отключают президента от внешнего мира в тот самый момент, когда посланцы ГКЧП подъедут к «Заре». Плеханов сказал, что на отключение телефонов понадобится около получаса, поэтому после приземления следует не сразу ехать к президенту, а переждать на аэродроме, чтобы прибыть на дачу ровно в 16.30. *(См.: Степанков В.Г. ГКЧП... С. 53.)*

По свидетельству генерал-майора Александра Глущенко: «Примерно через час полета меня и полковника Управления правительственной связи Виктора Пузанова, а также Генералова к себе в салон самолета, в котором помимо нас летели Бакланов, Шенин, Варенников, Болдин, вызвал начальник Службы охраны Плеханов. Он поинтересовался у меня, сколько времени понадобится для того, чтобы отключить все виды связи у президента в Форосе. Я ответил: “Минут десять-пятнадцать”. На это Плеханов ничего не сказал. Лишь на полете к аэродрому Бильбек он снова вызвал меня и поставил конкретную задачу: “В 16.30 у Горбачева должны быть отключены все виды связи”» *(Степанков В.Г. ГКЧП... С. 64-65.)*

Степанков пишет: «На даче у президента было много способов для общения с миром, он мог осуществлять его даже через космос. От станции правительственной связи, расположенной в Мухолатке, на “Зарю” шло восемь кабельных линий, длиной около восемнадцати километров. Три кабеля открытой связи, два кабеля закрытой правительственной связи и два кабеля системы “Кавказ-7” – эти последние два дублирующие друг друга кабели особой связи отличались сверхнадежностью, поскольку обеспечивали контакт президента с министром обороны по глобальному вопросу безопасности, проще говоря, они были и замком, и ключом президентского “ядерного чемоданчика”. Имелся на “Заре” и резервный узел космической правительственной связи малой емкости на случай полной изоляции объекта. Он питался от автономного источника. Однако для профессионалов не составило труда вмиг сделать президента “глухим” и “немым”. Они просто вынули из гнезд дужки-контакты в боксах правительственных станций в Мухолатке и Ялте. Резервная станции космической связи была обесточена, взята под стражу – и всякие разговоры “среди звезд” стали невозможны» *(Степанков В.Г. ГКЧП... С. 65.)*

Свидетельствует старший техник-телефонист коммутатора «Мухолатка» Тамара Викулова: «Я только собиралась соединить Горбачева с его помощником

Около пяти меня поставили в известность, что на дачу прибыла группа в составе Бакланова, Шенина, Болдина, Варенникова, Плеханова. Я удивился, сказал явно растерявшемуся Медведеву – начальнику охраны, что никого не приглашал. Оказывается, стража пропустила визитеров, поскольку с ними был Плеханов и Болдин. В других случаях ничего подобного не могло произойти, по правилам охраны без моей санкции никого не могли пропустить на территорию дачи.

Отправив Медведева, я решил выяснить, в чем дело. Хотел связаться с Москвой, поговорить в первую очередь с Крючковым и вдруг обнаружил, что один, второй, третий, четвертый, пятый телефоны, в том числе стратегический, отключены. Даже аппарат городской АТС. Я вышел из кабинета на веранду, где Раиса Максимовна читала прессу, и сказал ей, что на даче появились незваные гости, трудно предсказать, что они задумали, можно ждать самого худшего. Она была потрясена такой новостью, но сохранила самообладание. Мы перешли в рядом расположенную спальню. Лихорадочно работала мысль: от своих позиций не отступлю, никакому нажиму, шантажу, угрозам не поддамся. Об этом я и сказал Раисе Максимовне. «Решение ты должен принять сам, а я буду с тобой, что бы ни

Шахназаровым – вдруг, откуда ни возьмись, за моей спиной появились офицеры правительственной связи. Сейчас говорят, отключим связь с Горбачевым. Я в ответ: “Только что сообщила Горбачеву, что соединяю его с Шахназаровым. Неудобно теперь не соединять”. Как только разговор с Шахназаровым закончился, связь тут же пропала. Следующим должен был с Михаилом Сергеевичем Горбачевым говорить председатель Верховного Совета Белоруссии Дементей. Но офицеры – они уже распорядились на коммутаторе – посоветовали ему положить трубку и больше не беспокоить президента звонками...»

Коммутаторы перешли на ручной режим работы. Теперь по «автомату» никто не мог бы дозвониться до «Зари», если бы даже каким-то образом восстановил связь. Все разговоры в процессе ручного режима становились подконтрольными. На правительственном коммутаторе в Ялте, через который со своим начальством в Москве должен был общаться Генералов, место дежурной телефонистки занял офицер КГБ. Он получил указание предоставлять связь только с радиостанции «0254», установленной в автомобиле Генералова. И только по паролю. «Пароль был «Марс». (Степанков В.Г. ГКЧП... С. 65-66.)

Единственным источником информации для Горбачева и его семьи оказался маленький карманный транзисторный приемник «Сони», по которому можно было принимать «Маяк», «Всемирную службу новостей» и несколько других зарубежных радиостанций.

случилось». Потом позвали Ирину и Анатолия. Выслушав меня, они сказали, что целиком полагаются на меня, готовы ко всему.

На это ушло, наверное, минут 30-40. Как мне говорили офицеры, визитеры нервничали: почему их не принимают. Выйдя из спальни, я обнаружил, что они без приглашения поднялись на второй этаж. Вообще, вели себя бесцеремонно, чуть ли не как хозяева. Пригласив в кабинет, я спросил, с какой миссией прибыли. Бакланов сообщил, что создан комитет по чрезвычайному положению. Страна катится к катастрофе, другие меры не спасут, я должен подписать Указ о введении ЧП. По сути дела, приехали с ультиматумом. Позднее, беседуя со следователем, я узнал, что у них были с собой заготовленные для моей подписи документы – разные варианты.

Бакланов перечислил состав ГКЧП, причем назвал в числе его членов Лукьянова. Сказал, что Ельцин арестован, хотя тут же поправился: будет арестован по пути (из Алма-Аты, откуда он возвращался в Москву). Торопя события, заговорщики явно хотели таким способом дать понять, что они уже взяли ситуацию под свой контроль и назад пути нет.

Все это были люди, которых я выдвигал и которые меня теперь предали. Я категорически отверг их домогательства, заявил, что никаких указов подписывать не буду.

– Вы и те, кто вас послал, обеспокоены ситуацией? Но я не хуже вас знаю обстановку в стране, и она тревожит меня не меньше, чем вас. Считаете, что нужны адекватные меры? Я такого же мнения. Главная из них уже подготовлена – это подписание нового Союзного договора. На заседании Совета Федерации 21 августа намечено обсудить ход выполнения экономической реформы. Вы же все спасение видите в чрезвычайных мерах. Я с этим не согласен. Давайте созывать Верховный Совет СССР, Съезд народных депутатов, раз у части руководства есть сомнения в правильности политического курса. Давайте обсуждать и решать. Но действовать только в рамках Конституции, закона. Иное для меня неприемлемо. То, что вы себя загубите, – черт с вами, но ведь дело может кончиться большой кровью. Не

тот стал народ, чтобы смириться с вашей диктатурой, с потерей свободы, всего, что было добыто в эти дни.

На мои выводы последовали рассуждения Бакланова, проникнутые «заботой» о моем здоровье, которое-де сильно поизносилось за напряженные годы перестройки.

– Не хотите сами подписывать Указ о введении чрезвычайного положения, передайте свои полномочия Янаеву, – предложил он. И добавил: – Отдохните, мы сделаем «грязную работу», а потом вы сможете вернуться.

Я, разумеется, отверг это гнусное предложение.

– Тогда подайте в отставку, – проговорил Варенников.

– Не рассчитывайте. Вы, преступники, ответите за свою авантюру! – На этом разговор закончился. Мы попрощались. Когда они уходили, не сдержался и обругал их «по-русски».

Хочу ответить на вопрос, который нередко мне задавался: почему Горбачев не задержал их, у него ведь был вооруженная охрана?

Прежде всего, я рассчитывал, что мой отказ принять ультимативные требования ГКЧП отрезвит зачинщиков заговора. Не раз я удерживал этих людей от опрометчивых шагов, о чем уже писал, и оставалась надежда, что и на сей раз моя твердая позиция окажет свое воздействие. Да, я не терял надежду.

Кроме того, попытка задержать их на даче ничего не решала⁴. Ведь главные заговорщики были в Москве, держали в тот момент в своих руках

---

⁴ Степанков рассуждает: «...Мог ли Горбачев задержать визитеров? Не надо преувеличивать возможности президента, находящегося на отдыхе. Кто бы их задержал? Начальник личной охраны Медведев по первому распоряжению Плеханова стал собираться в дорогу, отважившись лишь выклянчить у начальника Службы письменное распоряжение, оправдывающее его отбытие из “Зари”. Плеханов был непосредственным начальником Медведева и не выполнить его приказ – значило нарушить все приказы и инструкции.

Крючков знал, что Горбачев, оказавшись в изоляции, не станет предпринимать безрассудных попыток вырваться на волю из-за вполне понятной боязни за семью». (Степанков В.Г. ГКЧП... С. 62-63.)

Бывший помощник Горбачева Андрей Грачев пишет по этому поводу: «Мог ли он попробовать “прорваться на волю”, как судачили потом критики, упрекавшие его в

рычаги власти. Да я и не сомневался, что гэкачеписты позаботились обезопасить развитие событий здесь, в Форосе, от всяких случайностей. Что и подтвердилось. Заранее было предусмотрено все, чтобы наглухо изолировать президента. Отключена связь. Выставлена двойная линия охраны вокруг дачи и со стороны моря⁵. Запрещен выход кого бы то ни было из дачи и допуск на ее территорию⁶. Мои помощники, журналисты, депутаты Верховного Совета пытались проникнуть на дачу, чтобы разобраться в

“бездействии”? “Как бы это выглядело? – спрашивает Ирина, пережившая рядом с отцом эти страшные дни. – Карабкаться через горы с женой и двумя малолетними детьми? Или оставить нас с мамой и детьми заложниками, а самому ринуться в расставленную почти наверняка на этот случай ловушку? И облегчить путчистам их задачу, подставив себя под «случайную пулю?»» (Грачев А.С. Горбачев. М.: ВАГРИУС, 2011. С. 374.)

⁵ Степанков пишет: «В Форосе покой президента берегли около пятисот хорошо вооруженных и отлично обученных людей. Только на территории дачи существовали три рубежа охраны. Ближе всех к президенту находились его телохранители во главе с генерал-майором В. Медведевым. Подразделение так называемой выездной охраны несло круглосуточный караул на шести постах. По внутреннему периметру дачи располагалось пять постов 9-го отдела КГБ – один из них на господствующей высоте. А за двойной оградой посверкивали стеклами биноклей тридцать четыре пограничных наряда. Кроме того, “Заря” находилась под надзором людей из группы “Альфа”, спецподразделения КГБ по борьбе с терроризмом, которых в этом году откомандировали “для усиления охраны” президента.

И были еще два эшелона морской охраны. На рейде свинцом отливали строгие силуэты сторожевых военных кораблей. От подводных диверсантов президентский пляж берегли сверхчуткая система сигнализации. Ее в том сезоне подстраховывали еще десять водолазов.

Во время морских прогулок президента охраняли пограничные корабли, а сверху акваторию патрулировали вертолет “Ми-8” и самолет “Ан-24”.

Вдоль трассы, по которой Горбачев следовал на какой-либо объект в Крыму, несли службу девяносто сотрудников КГБ с радиостанциями, а сам объект брали в кольцо пятьдесят пограничников. Продукты, поступавшие в “Зарю”, проходили специальную проверку. Тропинки, по которым собирался прогуляться президент, непосредственно перед моционом обследовались служебными собаками, а во время самих прогулок на маршруте скрытно присутствовала охрана.

Парадокс, однако, заключался в том, что все это множество людей, чей профессиональный долг заключался в защите президента, даже милovidные горничные, получали зарплату в КГБ и самым большим начальником для них был Крючков, а не президент...» (Степанков В.Г. ГКЧП... С. 54-55.)

⁶ Помощник Президента СССР А.С. Черняев со своими секретарями О.В. Ланиной и Т.А. Александровной проживали в санатории «Южный», в двенадцати километрах от «Зари». Они там ночевали и ездили днем обедать. Работали они в служебном помещении метрах в пятидесяти от дома М.С. Горбачева. 18 августа, в воскресенье, Александрова осталась в «Южном», а Черняев и Ланина вернулись на работу после обеда. Вечером их с территории «Зари» не выпустили.

случившемся и, в частности, собственными глазами убедиться, насколько достоверна версия ГКЧП о болезни президента, но это им не удалось.

Называя вещи своими именами, это был *арест президента и узурпация его власти*. Путчисты понимали, что не заполучат меня в сообщники, но надеялись взять «на испуг», принудить к подписанию указов, придающих легитимный вид их аванюре. Мой решительный отказ сделать это сразу ставил их в положение преступников.⁷

---

⁷ Черняев вспоминает о своем разговоре с Горбачевым вечером 18 августа 1991 года: «Смеркалось, когда новый прикрепленный (вместо Медведева), симпатичный красавец Борис передал, что М.С. просит меня выйти из дому. Он, мол, здесь, гуляет рядом с дачей.

<...> У входа в дачу стояли М.С. Р.М., Ирочка – дочь и Толя – зять. Пошутили: кому холодно, кому жарко: М.С. был в теплой кофте, за два дня перед тем ему “вступило” в поясницу. Проявился старый радикулит, в молодости он в проруби купался: был “моржом” и получил это недомогание, которое время от времени его посещало. М.С. пробросил: “врачи просили беречься”. Он вообще боится сквозняков.

Он был спокоен, ровен, улыбался. Ну, ты, – говорит, – знаешь, что произошло?

– Нет, откуда же мне знать! Я только из окна наблюдал. Видел Плеханова, Болдина. Говорят, какой-то генерал в очках, большой... и Бакланов.

– Генерал – это Варенников. Он и был самым активным. Так вот, слушай, хочу, чтоб ты знал.

Р.М.: Вошли без спроса, не предупредив, Плеханов их вел, а перед ним вся охрана расступается. Полная неожиданность. Я сидела в кресле, прошли мимо, и только Бакланов со мной поздоровался... А Болдин! С которым мы 15 лет душа в душу, родным человеком был, доверяли ему все самое интимное!!!...

М.С. ее остановил.

– Слушай. Сели, я спрашиваю: с чем пожаловали? Начал Бакланов, но больше всех говорил Варенников. Шенин молчал. Болдин один раз полез: Михаил Сергеевич, разве вы не понимаете, какая обстановка!! Я ему: мудака ты и молчал бы, приехал мне лекции читать о положении в стране. (Слова “мудак” произнес “при дамах”. Иришка засмеялась и интерпретировала: “мутант” очень удачно. Она вообще умная, образованная.)

Словом, продолжал М.С. они мне предложили два варианта: либо я передаю полномочия Янаеву и соглашаюсь с введением чрезвычайного положения, либо – отрекаюсь от президентства. Попытались шантажировать (не пояснил – как). Я им сказал: могли бы догадаться, что ни на то, ни на другое я не пойду. Вы затеяли государственный переворот. То, что вы хотите сделать, – с этим Комитетом и т.п. – антиконституционно и противозаконно. Это – авантюра, которая приведет к крови, к гражданской войне. Генерал стал мне доказывать, что они “обеспечат”, чтобы этого не случилось. Я ему: извините, товарищ Варенников, не помню вашего имени отчества...

Тот: Валентин Иванович.

Так вот: Валентин Иванович, общество – это не батальон. Налево – марш и шагай. Ваша затея отзовется страшной трагедией, будет нарушено все, что уже стало налаживаться. Ну, хорошо: вы все и всех подавите, распустите, поставите везде войска, а дальше что?.. Вы меня застали за работой над статьей. Ибо уже налажен

Горбачев М.С. Жизнь и реформы. В двух книгах. Кн. 2. М.: АО «Издательство “Новости”, 1995. С. 557-559.

процесс согласия через формулу “9 плюс 1”, мы были накануне подписания Союзного договора, который кардинальным образом менял бы положение во всей стране, который стал бы рубежом в развитии государства и общества, когда можно было бы начать строить новые структуры.

– Так вот, – продолжал рассказывать мне Горбачев о своем отпоре непрошенным гостям, – в статье рассмотрен и ваш вариант – с чрезвычайным положением. Я все продумал. Убежден – что это гибельный путь, может быть, кровавый путь... И он – не куда-нибудь, а назад, в доперестроечные времена.

С тем они и уехали.

Все наперебой: Что же дальше?

М.С.: Ведь завтра они должны будут обнародовать. Как они объяснят “мое положение”?

Порассуждали насчет тех, кто приезжал. Я не преминул вернуть: это же все “ваши”, М.С., люди, вы их пестовали, возвышали, доверились им... Тот же Болдин... “Ну, о Плеханове, – сказал М.С., обойдя Болдина – и говорить нечего: не человек! Что он – о Родине печется, изменив мне?! О шкуре!”

М.С. стал вслух гадать насчет других “участников” всей этой операции: посетители ведь ему назвали членов ГКЧП. Никак не мог примириться с тем, что Язов там оказался. Не хотел верить: “А может, они его туда вписали, не спросив?..” В отношении старого маршала я присоединился к его сомнениям. Но в отношении Крючкова “отвел” его колебания: “Вполне способен на такое... Да и потом: мыслимо без председателя КГБ затевать нечто подобное, тем более – действовать!!”

– А Янаев? – возмутился М.С. – Ведь этот мерзавец за два часа до приезда этих со мной говорил по телефону. Распинался, что меня ждут в Москве, что завтра приедет меня встречать во Внуково!

Так мы ходили еще в темноте минут 15...» (*Черняев А.С. Совместный исход. С. 972-974.*)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ М.С. ГОРБАЧЕВА, ПРОДИКТОВАННОЕ ИМ Р.М. ГОРБАЧЕВОЙ⁸

⁸ Рассказывая о событиях в Форосе 19 августа, Горбачев в мемуарах приводит выдержки из дневника Раисы Максимовны: «Около 7 часов утра Анатолий и Ирина по транзистору (волна не “Маяка”, кажется, “Всемирной службы новостей” или Би-би-си) уловили сообщение: создан Государственный комитет по чрезвычайному положению, в отдельных регионах страны введено чрезвычайное положение. Передают призыв комитета к соотечественникам, обращение к государствам мира, содержание указа о выделении 15 соток земли на каждого человека... И “в связи с болезнью Президента СССР и невозможностью выполнять им свои функции, его полномочия берет на себя вице-президент Янаев”...

...Почты нет, газет нет. Передали: «И не будет». Офицер фельдсвязи задержан со вчерашнего дня здесь, на территории. Радио молчит, телевизор отключен. Анатолий пытается с ребятами из охраны сделать антенну для стационарного приемника. Борис Иванович – прикрепленный – нашел кусок проволоки. Однако ничего добиться так и не удается.

Через старшего по охране Михаил Сергеевич передает Генералову – для сообщения в Москву – требования: восстановить телефонную связь, доставить почту и газеты, включить телевизор, немедленно прислать самолет для возвращения в Москву, на работу.

Приходил А. Черняев. Разговаривать выходили на балкон опасаясь прослушивания. Офицеры охраны не исключают такой возможности. Анатолий Сергеевич ... сказал, что говорил с Генераловым. Требовал, чтобы его выпустили: “Я же – народный депутат СССР. И я – не интернированный. Почему меня здесь держат?”

Ходили по территории, к морю. Надо, чтобы все видели – и “наши”, и те, кто наблюдает за нами со скал и моря, – что Михаил Сергеевич здоров, в нормальном состоянии.

...Мы с Михаилом Сергеевичем в его кабинете. Прибежали Анатолий и Ирина. Новости: заработал телевизор, идет музыкальная передача. ... Вести по телевизору, волна Би-би-си: Б. Ельцин выступил с осуждением заговорщиков. Призывает к противодействию новоявленной власти. Н. Назарбаев по казахскому телевидению обратился к народу республики, призвал к спокойствию, выдержке, соблюдению порядка. О смещении Президента СССР – ни слова.

В 17.00 старший по охране доложил: с территории вывезли военных связистов.

В 17.30 Михаил Сергеевич пригласил А. Черняева. Сказал мне, что дал поручение немедленно вновь передать Янаеву его требования о восстановлении правительственной связи, предоставлении самолета для вылета в Москву. В случае отказа или молчания передать требование о встрече с советскими и иностранными журналистами.

После ухода Анатолия Сергеевича попросил меня записать Политическое заявление. Продиктовал...» (См.: Горбачев М.С. *Жизнь и реформы. В двух книгах. Кн. 2. С. 563-565.*)

Хроника событий, происходивших 19 августа 1991 года в Москве, см. в Приложении 5, с. 478-493.

Степанков пишет: «Горбачева раздражало, что у него под рукой нет ни одного действующего телефона, чтобы связываться с охраной, решать бытовые вопросы, все время приходится кого-то отправлять в качестве курьера. Неужели нельзя включить хотя бы внутреннюю связь? И еще возмущала бессмысленность отключения ТВ. Это – то зачем? Горбачеву, узнававшему о развитии событий в Москве из передач

19 августа 1991 года

1. Решение вице-президента о возложении на себя обязанностей президента страны под предлогом болезни Президента СССР и невозможности исполнения им своих функций является обманом, поскольку я нахожусь в нормальном состоянии, даже отдохнувшим, и собирался сегодня, 19 августа, отбыть для подписания Союзного договора и проведения

“Свободы” и других радиостанций, очень хотелось знать, как будет комментировать ситуацию советское телевидение. Ближе к обеду он послал дочь к охранникам, чтобы те попросили Генералова включить ТВ. Старший по “Заре” ответил, что “наладить работу ТВ невозможно, так как ретранслятор отключен Москвой”.

И вдруг около 15 часов, без всяких объяснений, телевидение заработало... Еще раньше, в 12.20, также без всякого объяснения была включена внутренняя связь.

Из показаний связиста в/ч 32152 К. Боровикова: “По команде своего руководителя Глущенко в 12.20 минут я включил внутреннюю АТС, за исключением семи абонентов, а именно:

1. Связь с группой УВД.
2. Связь с караульным помещением погранвойск.
3. Телеграф в Главном доме.
4. Два номера, выходящих на объект морских пограничников.
5. Два номера на объекте 882 в Мухалатке”.

Другими словами: внутренняя АТС была включена так, что исключала всякую возможность для контактов с волей». *(Степанков В.Г. ГКЧП... С. 150-151.)*

После полудня Горбачев вызвал Черняева. «Пора, – говорит, – принимать меры. Пойдем-ка, поговорим на балконе». Но Раиса Максимовна предложила разговор перенести на пляж. Там, мол, уж точно не подслушают. Разместились в пляжном шатре. Обсудив ситуацию, Горбачев сказал: «Надо выдвинуть два требования. Пиши: “Первое. Требую немедленно восстановить правительственную связь... Второе. Требую немедленно прислать президентский самолет, чтобы я мог вернуться на работу. Если не ответят, завтра потребую, чтоб прислали журналистов, советских и иностранных”.

Черняев продолжает: «Я записал. Он: “Смотри, как бы по дороге у тебя это не отобрали!”»

“Не отберут!» – сказал я уверенно”». *(См.: Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972-1991 годы. М.: РОССПЭН, 2008. С. 977.)*

Свидетельствует сотрудник личной охраны президента О. Климов: «После 15 часов из Главного дома дачи вышел помощник президента Анатолий Черняев. Вручив мне пакет, в котором были требования президента, он попросил меня передать его Генералову для незамедлительной отправки в Москву...» *(Степанков В.Г. ГКЧП... С. 152.)*

Свидетельствует генерал-майор КГБ В. Генералов: «После того как я получил пакет с требованиями Горбачева, я, не затягивая времени, позвонил Плеханову и зачитал ему текст записки. Через полчаса он нашел меня по телефону, сказав, что требования Горбачева переданы Янаеву». *(Там же.)*

Совета Федерации. Поэтому данное решение не может рассматриваться иначе как государственный переворот.

2. Все решения, принятые вице-президентом и Государственным комитетом по чрезвычайному положению (ГКЧП) на этом основании, – незаконны.

3. Эскалация мер, связанных с незаконным введением чрезвычайного положения, может обернуться дальнейшим большим обострением всей ситуации в стране, расколом, противоборством в обществе и непредсказуемыми последствиями.

4. Требую немедленно приостановить исполнение принятых решений, а товарищу Лукьянову как Председателю Верховного Совета срочно созвать Съезд народных депутатов СССР или Верховный Совет СССР для рассмотрения сложившейся ситуации в руководстве страны.⁹

---

⁹ 19 августа в 17.00 в пресс-центре МИД СССР состоялась пресс-конференция и.о. Президента СССР Г.И. Янаева. В ней приняли участие члены ГКЧП О.Д. Бакланов, Б.К. Пуго, В.А. Стародубцев, А.И. Тизяков.

Становятся известными решения ГКЧП о прекращении издания всех центральных и московских газет и журналов, кроме «Труда», «Рабочей трибуны», «Известий», «Правды», «Красной звезды», «Советской России», «Московской правды», «Ленинского знамени» и «Сельской жизни». Объявлено о введении в Москве чрезвычайного положения.

Отвечая на вопрос, где сейчас находится М.С. Горбачев, и.о. Президента сказал, что Михаил Сергеевич Горбачев находится на отдыхе и лечении в Крыму. «За эти годы он очень устал, и требуется какое-то время для того, чтобы он поправил здоровье». Г.И. Янаев выразил надежду, что М.С. Горбачев, поправившись, вернется к исполнению своих обязанностей. «Мы будем следовать курсу, который он начинал в 1985 году», – добавил и.о. Президента. По поводу состояния здоровья Горбачева Янаев, в частности сказал: «Полагаю, в свое время медицинское заключение о состоянии здоровья Михаила Сергеевича Горбачева будет опубликовано». Участники конференции интересовались: когда журналисты смогут встретиться с М.С. Горбачевым? «Как только состояние здоровья Михаила Сергеевича Горбачева позволит это» – последовал ответ. Говоря о роли М.С. Горбачева в жизни нашего общества в последние годы, Янаев отметил: «Полагаю, что Михаил Сергеевич сделал неизмеримо много для того, чтобы демократические процессы широко начались в стране в 1985 году. Этот человек заслуживает всяческого уважения, он сделал все для того, чтобы мы встали на демократический путь». (См.: «Правда», 20 августа 1991 года.)

Посмотрев пресс-конференцию ГКЧП, Горбачев вызвал Олега Климова и попросил выяснить, нет ли ответа на его требования, переданные ранее через Генералова в Москву. Генералов сказал Климову: «Никакой информации из Москвы не поступало».

*Из дневниковой записи Р.М. Горбачевой.
Печатается по тексту публикации:
Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 565-
566.*

Из показаний И. Борисова, лечащего врача Горбачева: «После конференции мы встретились с Михаилом Сергеевичем. Он сказал: “Вот видите, вы даже не знаете, что я тяжело болен”. Я сказал, что напишу короткое заключение о состоянии здоровья. Договорились, что я напишу заключение в рукописном варианте в двух вариантах (так у Степанкова).

Я написал в заключении, что в связи с появившимися сообщениями в средствах массовой информации о невозможности по состоянию здоровья М.С. Горбачеву выполнять обязанности президента, считаю своим профессиональным и гражданским долгом заявить следующее:

“Являюсь лечащим врачом Горбачева с апреля 1985 года. За это последнее время существенной динамики в состоянии его здоровья не наблюдается. Противопоказаний для выполнения им возложенных на него обязанностей не вижу. Представленный вывод готов обсуждать с любой компетентной комиссией, как советских, так и зарубежных специалистов”». (*Степанков В.Г. ГКЧП... С. 167.*)

Располагая заключением, подписанным лечащим врачом, Горбачев выдвинул еще одно требование к ГКЧП: «Дать опровержение о моем состоянии здоровья».

Генералов принял бумаги, повторив то, что говорил и раньше: «Связи с Москвой на “Заре” нет. Поеду на телефонный узел в Мухалатку – передам. Как только поступит ответ, поставлю в известность». (*Степанков В.Г. ГКЧП... С. 168.*)

Р.М. Горбачева пишет: «...Пресс-конференция членов ГКЧП по ТВ. Какое вероломство, какое беззаконие, какая гнусная ложь! Ясно, что пойдут на все: даже самое худшее. Солгать перед всем миром, заявив о недееспособности президента... Вопрос судьбы Михаила Сергеевича, нашей судьбы ими уже решен.

На ночь усилили наружную охрану дома. Теперь офицерам личной охраны президента придется практически работать круглосуточно.

Договорились – Михаил Сергеевич, дети и я – перейти на режим экономии продуктов питания, использовать только старые, имеющиеся в запасе, приобретенные до 17 августа. Собрали пакет с фруктами для детей. Ирина на всякий случай спрятала его на шкафу под кондиционером. Собрали все имеющиеся лично у нас лекарственные препараты, таблетки. Решили пользоваться только ими». (*Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 566.*)

Из протокола допроса Р. Горбачевой: «Когда мы увидели, что члены ГКЧП на весь мир заявили, что он (президент СССР) болен, я сразу решила, что они что-нибудь сделают. Ведь если на весь мир солгали, что президент болен, то надо это и подтвердить. Надо всех убедить, что он недееспособен.

Опасаясь худшего, мы решили сделать видеозаписи обращения президента к народу и попытаться его передать. Обращение должно было показать, что президент здоров и дееспособен».

Ночью за зашторенными окнами Горбачев любительской видеокамерой записал свое заявление.

ВИДЕОЗАЯВЛЕНИЕ М.С. ГОРБАЧЕВА, ЗАПИСАННОЕ НА ДАЧЕ В ФОРОСЕ В НОЧЬ С 19 НА 20 АВГУСТА 1991 ГОДА¹⁰

То, что я хочу сейчас сказать перед телекамерой, я хочу, чтобы все это стало известно народным депутатам СССР, Верховному Совету СССР, советской и мировой общественности. После прослушанной пресс-конференции Янаева и других членов так называемого комитета по чрезвычайному положению я понял, что общественность страны, мировая общественность введена в заблуждение.

По сути дела, происходит обман с тяжелыми последствиями. Вице-президент, ссылаясь на плохое состояние здоровья и невозможность ввиду этого исполнения обязанностей Президентом, взял на себя исполнение обязанностей, его обязанностей – Президента СССР. И на основе этого уже издаются указы, принимаются решения, в том числе и решение о введении чрезвычайного положения в стране со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Я заявляю, что все, что касается состояния моего здоровья, – это обман. Таким образом, на обмане совершен антиконституционный переворот. Законный Президент страны отстранен от исполнения своих обязанностей. Более того, дача в Крыму, где я нахожусь на отдыхе и откуда я должен был

---

¹⁰ Р.М. Горбачева записала: «Нашей видеокамерой мы делали записи Обращения, Заявления Михаила Сергеевича к народу. Для того, чтобы попытаться передать их «на волю», если же удастся, спрятать, сохранить. Что бы с нами ни случилось - люди должны знать правду о судьбе президента. Нашли комнату, которая, на наш взгляд, не просматривалась ни с моря, ни со скал. Заштормились. Когда около 4 часов утра просматривали отснятые кадры, приглушив звук, внизу – на цокольном этаже – вдруг хлопнула дверь. Срочно все отключили. Анатолий с пленкой скрылся в другой комнате, Михаил Сергеевич и Ирина спустились вниз и проверили все двери. Все было закрыто. Михаил Сергеевич вышел на улицу. У двери стоял удвоенный пост. Пленку Ирина и Анатолий обрабатывали до шести утра. Просмотрели пленку через смотровое окошко камеры, маникюрными ножницами надрезали конец каждой из четырех записей. Разобрали кассету и разрезали пленку. Каждую запись перемотали на тонкий бумажный валик, запаковали скотчем, завернули в бумагу. Затем спрятали их в разные места дачи. Кассету собрали, чтобы не было видно, что ее кто-то разбирал». (*Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 566.*)

Подлинник этой видеозаписи хранится в Музее политической истории России в Санкт-Петербурге.

вылететь сегодня на подписание договора 20 августа, – а по сути дела, я уже говорю 20-го, то есть я должен был в конце дня девятнадцатого вылететь, – окружена войсками, и я нахожусь под арестом. Я лишен правительственной связи, самолет, который здесь находился со мной, и вертолеты также отосланы, не знаю – в какое место и где они находятся. Я лишен всякой связи, контактов с внешним миром. Я – под арестом, и никто не выпускается за территорию дачи. С моря и с суши я окружен войсками.

Я не знаю, удастся ли мне ее переправить, но я постараюсь сделать все, чтобы эта пленка, как говорится, дошла на волю. И вы должны сделать вывод о том, что введены в заблуждение народ, страна, мировая общественность. На глазах, я бы сказал, с нескрываемым цинизмом, даже с удовольствием совершается грубый обман. И он уже привел к введению (*чрезвычайного*) положения, против чего я возражал, когда ко мне прибыли посланцы, о которых я узнал, когда они здесь уже появились, на даче, без предупреждения, хотя я с Янаевым в середине дня в воскресенье разговаривал. И он у меня уточнял, когда я прилетаю 19-го, для того чтобы встретить.

Самое опасное, что то, что делает сейчас комитет по чрезвычайному положению, может привести к эскалации гражданского сопротивления, противостояния, а может быть – и к гражданской войне. И это мы почувствовали с вами уже в декабре, январе, феврале, в марте и попытались все тогда повернуть в другую сторону – в согласие. И у нас стали появляться первые плоды этого согласия. Да, его было недостаточно. Да, оно могло быть другим. Да, должна власть действовать, решать проблемы, но все-таки надо идти по пути согласия, а не по пути навязывания обществу гражданского конфликта, который может и страну отбросить, и обернуться тяжелыми последствиями для страны, для людей и для всего мира.

Вот что я хотел сказать и прошу это оценить должным образом.¹¹

Печатается по тексту видеозаписи, подлинник которой хранится в Петербурге в Музее политической истории, копия – в АГФ.

---

¹¹ По свидетельству зятя Горбачева Анатолия Вирганского: «После окончания выступления я проверил качество записи. Все получилось хорошо – цвет, звук. Потом мы с Ириной стали разбирать кассету. За неимением отвертки воспользовались пилкой из маникюрного набора. Предварительно после каждого дубля, всего их было четыре, были сделаны надрезы на пленке. По ним мы разрезали запись и каждую копию намотали на бумажные трубочки. Потом завернули каждую из четырех частей в бумагу и заклеили скотчем...» (*Степанков В.Г. ГКЧП... С. 168-169.*)

Из протокола допроса Р. Горбачевой: «Все эти материалы мы распределили среди разных людей. Они должны были хранить их и потом передать – при первой же возможности». (*Там же. С. 169.*)

Позднее Горбачев напишет: «...На этот счет, кстати, тоже приходилось слышать иронические замечания. А ведь я обязан был учитывать возможность худшего. Если бы президента не стало, эта запись становилась важным политическим документом. Хорошо, что все так быстро завершилось. Но ведь по-разному могло обернуться. Никуда не денешься от того, что по проведенным позднее опросам около 40 процентов все-таки сочувствовали гэкачепистам. И руководители республик, за исключением России, брали тайм-аут для раздумий, колебались. Кроме, может быть, Акаева. Да и со стороны руководства многих зарубежных государств реакция была неоднозначной, во всяком случае, выжидательной...» (*Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 571.*)